

Светлана
АЛЕШИНА

БЛЕСК *презренного металла*

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Блеск презренного металла

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Блеск презренного металла / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Папарацци)

Ольга Бойкова, главный редактор криминальной газеты «Свидетель», и шага не может ступить по своему родному городу, не попав в историю... На этот раз она просто хотела помочь странноватой девчонке перейти дорогу, а оказалась... запертой в страшном погребе, куда вот-вот хлынет болотная вода! А все ее страсть к расследованиям и желание во что бы то ни стало добыть сенсационный материал для своей газеты. Но на этот раз шансов выбраться из рук хитрых мошенников, готовых на все ради блеска презренного металла, очень мало...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Светлана Алешина

Блеск презренного металла

Глава 1

Она пересекала мостовую, лавируя между несущимися автомобилями, и даже с тротуара было видно, какие у нее застывшие, почти белые глаза и странная, не имеющая ни малейшего отношения к происходящему улыбка. Я невольно остановилась, потому что поняла – ничем хорошим это не кончится. Эта девушка, возможно, и не собиралась сводить счеты с жизнью, но то, что она не в себе, стало ясно с первого взгляда.

На вид ей было лет двадцать, не больше. Абсолютно не запоминающаяся внешность – прямые русые волосы до плеч, невыразительное, почти детское лицо без всяких следов косметики, какая-то серенькая холщовая куртка, из-под которой выглядывает бледно-желтая майка, обтягивающая маленькую грудь, да старые джинсы, купленные явно не в магазине фирменной одежды. В общем, если бы не жутковатые белые глаза, эта девочка никогда бы не привлекла моего внимания. И если бы она не пошла так беззаботно поперек ревущего потока автомобилей, готового в любую секунду превратить ее хрупкое тело в лепешку.

Это был почти цирковой номер. Она шла, не ускоряя и не замедляя шага, с отсутствующей улыбкой, слегка поводя руками, точно на самом деле вброд преодолевала поток – спокойную и величавую реку, несущую прохладные тихие воды между безлюдными берегами.

Такая невозмутимость должна была особенно бесить автолюбителей. Этот отрезок длинного и широкого проспекта Строителей уже давно был оборудован подземными переходами, и только отчаянные сорванцы-мальчишки да иногда пьяные рисковали переходить здесь дорогу. Но даже они не решались на это в час пик, когда улицы были сплошь запружены чадящими и завывающими монстрами. Этот час принадлежал машинам. Но странной девушке, похоже, было на все наплевать.

И при всем при том на пьяную она не походила – движения ее были хотя и расслаблены, но точны, и в последнюю секунду она каждый раз успевала избежать столкновения с раскаленным капотом несущегося на нее механического чудовища. Представляю, что говорилось о ее необыкновенном везении в салонах автомобилей, какой великий и могучий вырывался из уст цепенеющих за рулем водителей! Они не могли остановиться, не то бедной девочке не поздоровилось бы!

Но странная девушка тем не менее уже миновала большую часть своего пути, и ей осталось не более трех метров до спасительного тротуара, как вдруг ангел-хранитель изменил ей.

Не выдержали нервы у владельца подержанной «Лады» бутылочно-зеленого цвета. В какой-то момент, вместо того чтобы нажать на тормоз, он врезал по газам – «Лада» рванулась вперед, едва не сплющив девчонку о багажник другой машины. Побледневший водитель круто вывернул руль, и его колымага выпрыгнула на тротуар.

Я находилась в двух шагах от опасного места и невольно шарахнулась в сторону. Краем глаза я успела заметить, что девчонка все же закончила свой переход, невозмутимо переступив через бордюр тротуара. Финишировала и зеленая Лада – заскрипев тормозами, она слегка стукнулась о фонарный столб. Левая фара разлетелась вдребезги.

В автомобильном потоке ничего, собственно, не изменилось. Место неудачника тут же занял другой автомобилист, и вся эта железная масса равнодушно помчалась дальше.

Однако хозяин пострадавшей «Лады» вовсе не остался равнодушным к происшествию. Пережив секундный шок, он опомнился и весьма резво выскочил из машины. Выражение его лица не оставляло никаких сомнений – для глупой девчонки настал час расплаты. Она в этот

миг даже не обернулась, но это дела не меняло – водитель, крепкий, лет сорока мужчина с тяжелым подбородком и круглым выпуклым лбом, клокотал от ярости.

Из-под засученных рукавов тонкого джемпера выглядывали мощные волосатые ручки. Толстые губы мужчины тряслись, и с этих губ срывались далеко не парламентские выражения. В сердцах хрястнув дверцей машины, он немедленно бросился на девчонку.

Я не успела вмешаться – он уже схватил ее за воротник курточки и что есть силы пихнул в сторону невысокой ограды сквера. Девчонка споткнулась о бетонный блок, больно ударившись коленом, и кувыркнулась в кусты, на миг исчезнув в густой зелени.

Появилась она уже по другую сторону кустов и, не оглядываясь, тут же зашагала наискосок через сквер, стараясь уйти подальше от своего обидчика. Я увидела, что у нее расцарапана и кровоточит щека и она прихрамывает на правую ногу.

Мужчина, однако, не был удовлетворен. С громкой бранью он вломился в кусты, намереваясь догнать девчонку. Мне это совсем не понравилось. Конечно, это легкомысленное существо заслуживало наказания, но мне показалось, что владелец машины находится сейчас не в том состоянии, когда ведут себя адекватно. Этот тип мог сейчас наломать таких дров, что в качестве ответчика уже пришлось бы выступать ему самому. И потом, мне просто по-человечески было жалко глупую девчонку.

– Стойте! – крикнула я и бросилась вдогонку за мужчиной.

Но моя персона интересовала его сейчас меньше всего на свете. В считанные секунды он опять нагнал свою жертву и с ходу влепил ей оглушительную затрещину, от которой девчонка кубарем покатила на траву.

Теперь-то ей уже было трудно делать вид, будто ничего особенного не происходит. Она валялась на земле в довольно жалкой позе, из царапин и разбитого носа текла кровь, а беспощадный мститель нависал над ее беспомощным телом, готовясь, кажется, нанести следующий удар – ногой. Этого я уже никак не могла допустить.

Я вихрем налетела на грубияна и что есть силы пихнула его в грудь, заняв затем позицию между ним и беспомощной жертвой. Теперь мужчина наконец заметил помеху и с некоторым ошеломлением секунду-другую разглядывал меня, словно пытаясь понять, откуда я могла взяться. Соображал он довольно туго, поэтому ему пришлось задавать мне наводящие вопросы.

– Тебе чего надо? – хрипло спросил он, переводя дыхание.

– Оставь девчонку в покое! – сердито выпалила я. – Иначе у тебя будут жуткие неприятности, вот увидишь!

Кажется, он немного опомнился.

– У меня уже неприятности! – прорычал он. – Из-за этой шалавы я разбил тачку! Ее убить мало! – и он опять сделал шаг по направлению к девчонке.

Я не дрогнула.

– Ничего не выйдет! – решительно заявила я. – Расправы не допущу. Подобные вопросы должны решаться цивилизованными методами. Вызывайте милицию. Между прочим, мне придется свидетельствовать не в вашу пользу, любезный! В следующий раз подумайте, прежде чем распускать руки.

– Ага! – мрачно обрадовался он. – Так вы заодно, шалавы? Ну так я вас сейчас обеих урою! Вы мне заплатите за мою тачку, и никакая милиция вам не поможет!

Он еще хорохорился, но постепенно запал его сходил на нет – на дорожке сквера стали появляться люди, которые с большим интересом прислушивались к нашему спору, – некоторые из них останавливались. Владельцу «Лады» были нужны свидетели, но вовсе не такие, и он заметно притих.

Мне же всегда очень не нравились люди, привыкшие решать вопросы насилием, и я терпеть не могла, когда меня обзывают. Последние крохи сочувствия к этому мужлану у меня давно испарились, и я была намерена полностью встать на сторону избитой девчонки.

Присев рядом с ней, я осторожно дотронулась до ее плеча и сказала – громко, чтобы меня слышали даже люди на дорожке:

– Как ты себя чувствуешь?! Можешь встать?! Может быть, отвезти тебя в больницу?! Заодно сделаем экспертизу и зафиксируем справкой те травмы, что нанес тебе этот гражданин. Не бойся, вставай, он тебя больше не посмеет тронуть!

Девушка лежала ничком в траве точно мертвая, и только по мелкому дрожанию ее тоненького тела можно было догадаться, что она просто притворяется. А может быть, это была инстинктивная уловка, чтобы агрессор оставил ее в покое. Я не стала настаивать, тем более что этот самый агрессор неуверенно попятился и, нервно косясь на свидетелей, забормотал: – Ладно! Мы еще встретимся! Я сейчас! Сейчас я вызову милицию, и вы у меня попляшете! Зафиксируют они! Сначала я зафиксирую... Выложите все, до копеечки!..

Видимо, он имел в виду компенсацию за порчу автомобиля. Но у меня почему-то сложилось впечатление, что он не станет связываться с милицией и предпочтет взять ремонт на себя, выместив свою досаду на ком-нибудь в другом месте.

Так оно и вышло. Наш оппонент позорно бежал, царапаясь о колючие кусты, а вскоре мы услышали пофыркивание отъезжающей машины. Наверное, у владельца злосчастной «Лады» были проблемы с тем, как встроиться в трэффик, но он с ними справился довольно успешно для человека, находящегося в состоянии аффекта.

Народ, собравшийся на дорожке сквера, быстро потерял к нам интерес и начал расходиться. Девушка по-прежнему лежала неподвижно, уткнувшись носом в траву, и не подавала никаких признаков жизни. Мне это начинало надоедать.

– Ты в самом деле можешь вставать, – с досадой проговорила я. – Этот мужчина уехал. Притворяться ни к чему. И, между прочим, знаешь, что я тебе скажу? Вообще-то он поступил по-свински, но и ты вела себя как свинья! Это еще счастье, что все так закончилось! От тебя могло остаться мокрое место! Что ты выделяла там, на мостовой? Ты меня слышишь?

Не слышать меня она не могла, но, кажется, мои слова были для нее просто продолжением уличного шума, не более. Эта девушка чем-то напоминала мне улитку, которая при малейшем дискомфорте старается спрятаться в собственную раковину, с той только разницей, что ее раковина была невидимой, и поэтому со стороны девушка выглядела странной, даже не совсем нормальной.

Она продолжала лежать, точно приклеенная к земле, не выдавая себя ни всхлипом, ни движением, и чувствовалось, что так она может лежать и час, и два, а у меня все-таки были свои дела. Но бросить здесь эту недотепу одну, избитую, униженную и, возможно, не вполне дееспособную, я не могла. Вдруг ей придет в голову снова отправиться пешком через дорогу? От одной мысли об этом я содрогнулась.

– Ну вот что! – решительно заявила я. – Или ты сейчас же приходишь в себя, или я действительно вызываю милицию, «Скорую помощь», и пусть тобой занимаются компетентные органы! Откровенно говоря, ты мне не нравишься. Ты случайно не сбежала ни из какой... гм... лечебницы? У тебя есть с собой какие-нибудь документы?

Как ни странно, это подействовало. Девушка вдруг зашевелилась, подняла припухшее испарпанное лицо, несколько секунд пристально и недоверчиво смотрела на меня, а потом села, вытянув ноги. Если бы не разбитая физиономия, не продранные на коленке джинсы и измазанные зеленью руки, можно было подумать, что она просто прилегла вздремнуть на травке и только что очнулась от мирного сна. Я хочу сказать, что все-таки было в этой девушке что-то не от мира сего.

Она и на вопрос о документах отреагировала очень своеобразно. Сначала она с готовностью и усердием, которого от нее никак нельзя было ожидать, полезла в задний карман джинсов, а потом извлекла из него и протянула мне измятый билет на электричку до станции Каратай. При этом в отсутствующих глазах девушки мелькнуло что-то похожее на надежду – может быть, она ждала, что теперь-то ее наконец оставят в покое.

Наверное, так мне и следовало поступить, но я вбила себе в голову, что с этой крошкой не все в порядке, и, если оставить ее без присмотра, непременно случится беда. Лучше всего было передать ее сейчас родителям или мужу, или воспитателям – поди угадай, что за социальный статус у этой чудачки! Судя по билету, она собиралась уехать с шестичасовой электричкой в Каратай, но до назначенного срока оставалось еще долгих восемь часов, а за это время можно избороздить столько мостовых, что мало не покажется.

– Вот что, подруга, – сказала я, возвращая девушке билет. – Тебе нужно привести себя в порядок. Не поедешь же ты в свой Каратай с окровавленным лицом! И джинсы, смотри, на коленке лопнули... Давай-ка я возьму тебя сейчас с собой – ты умоешься, заштопаешь одежду, да и перекусишь, кстати... Выглядишь ты, надо сказать, неважно – давно ела, признавайся!

Она не ответила, размазывая кровь по лицу тыльной стороной ладони. Я заметила, что кожа на ее руках не отличается чистотой и покрыта цыпками. Пожалуй, на избыток внимания к своей персоне эта девушка не могла пожаловаться. На избалованного ребенка она никак не походила. Если у нее и имелась семья, то не из тех, что относятся к разряду благополучных.

Девушка обтерла ладонь о полу куртки и опять впала в оцепенение. Может быть, ей и в самом деле требовался хороший психиатр, но до шести часов вечера вряд ли мне удалось бы решить эту проблему. Да и стоит ли этим заниматься, подумала я. Достаточно и того, что я просто посажу эту недотепу на электричку. Добрый поступок мне наверняка где-нибудь зачтется.

Я взяла девчонку за руку и силой заставила ее подняться. В общем-то, она не протестовала и никакого недовольства не выказала, – впрочем, и особой радости тоже. Двигалась как механическая кукла и безразлично пялилась в окружающее ее пространство.

– Ты такая квелая с детства, или у тебя сегодня день плохой? – с досадой спросила я. – Может быть, ты бензина нанюхалась? Говори прямо, не стесняйся, маме с папой я передавать не буду...

– Мои мама с папой умерли, – тихо сказала девушка, кажется, впервые за все это время открывая рот. На ее простоватом лице в этот момент промелькнуло что-то похожее на нежность.

– Вот как? Сожалею, – сказала я. – Прости, что заговорила об этом. Но, знаешь, ты действительно выглядишь странновато...

– Это потому что у меня течет кровь, – простодушно объяснила она.

– Нет, я обратила на тебя внимание раньше, – сказала я. – Когда ты переходила улицу...

– Почему? – без особого интереса спросила девушка.

– Не знаю, как у вас в Каратае, а у нас так улицы не переходят, – строго заметила я. – Может быть, ты не заметила, но в городе Тарасове очень интенсивное движение. Тебя могли задавить насмерть.

– Я всегда перехожу здесь улицу, – равнодушно пояснила собеседница. – Еще когда я здесь жила...

– Ты жила в Тарасове? – удивилась я. – На этой самой улице?

– Конечно, – ответила девушка с таким видом, словно факт ее биографии мог быть известен всему свету.

– Ну, тем более, – заметила я уже не так убежденно. – Тем более ты должна вести себя осторожнее.

– Почему осторожнее? – не поняла девушка. – Со мной ничего плохого случиться не может!

– Меня радует такая уверенность, – иронически сказала я. – Но, по-моему, кое-что уже случилось, тебе не кажется?

– Я не заметила, – ответила девушка и, по-видимому, совершенно искренне.

После этого заявления у меня уже не оставалось никаких сомнений – моя новая знакомая нуждается в опеке, иначе она не то что до Каратая – до вокзала не доберется. Конечно, времени было жаль, но что такое один потерянный день, когда речь идет о человеческой жизни? В том, что вопрос стоит именно так, я уже несколько не сомневалась. Девчонка не могла отвечать за свои действия, и ее следовало передать в надежные руки. Для начала нужно попробовать хотя бы узнать ее адрес.

– Ладно, – сказала я добродушно. – Хватит об этом. Давай познакомимся. Меня зовут Ольга Юрьевна. А тебя как?

Она растерялась, словно мой вопрос был невероятно сложным. Для ответа ей потребовалось не менее десяти-пятнадцати секунд. Может быть, у нее были причины помалкивать, но мне показалось, что она попросту забыла собственное имя. Наконец после некоторого колебания она назвалась:

– Аглая...

– Редкое имя! – заметила я, не вполне уверенная, что девушка ничего не перепутала. – Ну что ж, Аглая так Аглая! Очень приятно! Пойдем теперь со мной, я отвезу тебя к себе на работу, а по дороге мы с тобой поговорим, ладно?

Наверное, если бы я не взяла ее решительно за руку, она бы так и не двинулась с места. Но под некоторым нажимом она это сделала, и мы вдвоем направились к выходу из сквера. На нас оборачивались, с любопытством рассматривая исцарапанное лицо Аглаи, и мне хотелось побыстрее добраться до моего автомобиля, который был припаркован на другой стороне проспекта.

Разумеется, улицу мы пересекли по правилам – воспользовавшись подземным переходом. Аглая отнеслась к этому так же равнодушно, как вообще она относилась ко всему, что с ней происходило. Удивительно неприхотливая попалась девушка! Я бы сказала – неприхотливая до самозабвения. Такая запросто может стать игрушкой в руках любого негодяя. Возможно, уже стала. Я, конечно, не могла считать себя экспертом в этой области, но уж очень состояние моей новой знакомой смахивало на наркотический транс.

– А как твоя фамилия? – спросила я у Аглаи.

– У меня теперь нет фамилии, – просто сказала она.

Ну все, приехали, подумала я, – фамилии нет, вместо документа билет на электричку, адрес наверняка тоже не известен... Что мне делать с этой юной бомжихой? Зря я с ней связалась, наверное. Но ведь пропадет девчонка... Ах это неистребимое желание исправить все грехи нашего мира!

Мы поднялись из сырой полутьмы тоннеля и за ручку, как две лучшие подруги, направились к автостоянке, расположенной напротив огромного здания, стены которого, казалось, почти сплошь состояли из стекла. Здесь я наконец решилась на время расцепить наши руки и отперла дверцы своей «Лады», очень похожей на ту, что потеряла из-за беззаботности Аглаи свою фару.

Мне казалось, что сходство двух машин вызовет у девушки неприятные ассоциации, поэтому старалась изо всех сил сгладить этот момент, используя для этого все подручные средства – улыбку, мимику и ободряющие взгляды. Мне казалось, что подобным образом удастся настроить Аглаю на более оптимистический лад. Но то, что я в следующую минуту услышала от нее, просто повергло меня в легкий шок.

Собственно, сначала она вообще помалкивала и все пыталась навести некоторую чистоту на свои руки, для чего с упорством, достойным лучшего применения, обтирала их время от

времени о полы своей многострадальной курточки. На автомобиль же она если и смотрела, то с интересом не большим, чем если бы перед ней был, например, булыжник.

При этом ассоциации у нее действительно возникли, но они оказались столь неожиданными и причудливыми, что мой жизненный опыт не давал возможности в них проникнуть. Когда я распахнула перед ней дверцу «Лады» и предложила садиться, Аглая вдруг страдальчески сморщилась и заявила – негромко, но убежденно:

– На тачке в храм света не доберешься! – вот что она сказала.

Глава 2

Казалось, мне ли, столько лет проработавшей в журналистике, удивляться языковым контрастам, сочетанию высокого и низкого? И тем не менее непринужденность, с какой Аглая пристегнула к вульгарному слову «тачка» неизвестно откуда взявшееся торжественное словосочетание «храм света», произвела на меня огромное впечатление. Боюсь, в этот момент я даже открыла от неожиданности рот и с четверть минуты его не закрывала. К счастью, Аглая не заметила моей реакции, а вскоре мне удалось взять себя в руки.

– Ну, ладно, садись! – окрепшим голосом сказала я своей спутнице. – Насчет храма ты, безусловно, права, но я, честно говоря, на него и не претендую... Пока я собираюсь предложить тебе самый банальный маршрут – мы поедем в редакцию, где я работаю, а в храм света ты будешь добираться сама – известными тебе способами, ладно?

– Способ бывает только один, – серьезно и вдохновенно сказала вдруг Аглая. – Надо каждый день отрешаться и петь мантры...

И опять меня поразило деловито-вульгарное построение фразы. Каждый день отрешаться – это звучало почти так же гордо, как «утренняя гимнастика».

– Надо, надо отрешаться по утрам и вечерам... – пробормотала я себе под нос. А моя новая знакомая, оказывается, с большущим прибабахом. Здесь одним психиатром не обойдешься – здесь желателен целый штат психологов. Похоже, она из какой-то секты.

– Знаешь что, – предложила я. – Давай мы поговорим об этом по дороге! Если честно, в редакции меня давно ждут, а телефон я забыла с собой взять... Поэтому прыгай на переднее сиденье, и поедем! А ты мне расскажешь, что там у тебя с храмом... Ну, и вообще о своей жизни – если это не секрет, конечно...

Как ни странно, девушка не стала спорить. Она покорно опустилась на переднее сиденье и с облегчением откинулась на спинку кресла. По-моему, она здорово устала. Скорее всего, в Тарасов она прибыла ранним утром, с первой электричкой, и с тех пор все время находилась на ногах. Наверняка ничего не ела и вряд ли собиралась делать это, пока не приедет в свой Каратай. В общем, полное отрешение. Возможно, скоро я услышу и мантры в ее исполнении. Несчастный ребенок!

В последнее время вообще появилось множество странных молодых людей, детишек – без дома, без определенного занятия, без будущего. Они бродят как потерянные по задворкам городов, черт-те чем занимаются и пребывают в полной уверенности, что жизнь именно такой и должна быть. Кто бы мог подумать, что еще на нашем веку опять появятся беспризорники на улицах? Но именно так и вышло. Возможно, время повернуло вспять, и мы еще доживем до эпидемий чумы и трупов на улицах? По-моему, тут есть над чем задуматься.

Пока же я всерьез вознамерилась помочь хотя бы одной заблудшей душе. Заводя мотор своей «Лады», я ободряюще сказала Аглае:

– Ребята у нас в редакции хорошие, тебе они понравятся... Ты ни о чем не беспокойся.

– А куда вы меня везете? – вдруг ошарашила она меня вопросом, когда я вырулила со стоянки на проспект Строителей.

«Спокойно, – сказала я себе, – добрые дела требуют терпения и самоотверженности». А вслух произнесла, стараясь излагать мысль как можно доходчивее и проще:

– Мы же договорились, – ласково повторила я. – Сейчас мы поедем ко мне на работу. Ты приведешь себя в порядок, перекусишь...

– Мне нужно навестить маму, – перебивая меня, очень серьезно сказала Аглая. – Маму и папу. Я соскучилась, и мне нужно к ним.

Я была вынуждена промолчать. Видимо, мои планы нисколько не интересовали девушку, и она никак не связывала их со своими. Наверное, она была права. Тот, кто собирается ока-

зывать благодеяние, должен быть готов к таким поворотам, если только он не настроился на любовании собственной персоной.

Я притормозила возле тротуара и внимательно посмотрела на девушку.

– Ты уверена, что тебе не требуется помощь? – осторожно спросила я. – В конце концов, навестить родителей ты можешь и чуть попозже. Я сама тебя отвезу. Ты ведь имеешь в виду кладбище? Где похоронены твои родители?

Аглая довольно неопределенно махнула рукой.

– Там, – сказала она.

Понять ее жест можно было по-разному. Так как она была склонна наводить тень на самые простые вещи, я предпочла уточнить:

– Ты хочешь сказать, это кладбище в Сосновке, я правильно поняла?

Аглая на минуту задумалась, а потом неуверенно кивнула головой. Я заставила себя погасить нарастающее раздражение и сказала:

– Отлично. Значит, отправимся сейчас туда. Но обещаю тебе, что после того, как помотришь на могилку, мы поедем все-таки ко мне и ты приведешь себя в порядок...

С тем же успехом я могла бы разговаривать с пустым креслом. На бесстрастном лице Аглаи ровным счетом ничего не отразилось, и мне осталось только убеждать себя, что ее молчание было не чем иным, как знаком согласия.

Так или иначе, но идти на попятную было поздно. Я нажала на газ и погнала машину по широкому проспекту в направлении окраин. Кладбище в Сосновке находилось довольно далеко, практически за городом, и, в общем-то, добираться до него общественным транспортом было испытанием не из легких. В этом плане моей спутнице все-таки повезло – при самом худшем раскладе на машине мы должны были добраться туда минут за двадцать пять, не больше.

Аглая не разговаривала, равнодушно глядя перед собой. Я тоже помалкивала, соображая, почему Аглая, приехав в Тарасов навестить могилу родителей, моталась здесь, на проспекте Строителей, дразня автолюбителей и рискуя собственной жизнью. Потом я пришла к выводу, что разумного ответа на этот вопрос быть не может и Аглаю надо принимать такой, какая она есть. Просто нужно попытаться узнать о ней побольше.

– Ты теперь живешь в Каратае? – для начала спросила я. – Ну, и как там – тебе нравится?

– Я не живу в Каратае, – бесцветным голосом сказала Аглая.

– Так, – стараясь сдерживаться, продолжила я. – В Каратае ты не живешь. В Тарасове ты тоже не живешь. А вообще ты где-нибудь обитаешь? Адрес у тебя имеется?

Она потерла лоб – бесконечно усталым, отрешенным жестом и сказала, будто повторяя впервые услышанное слово:

– Адрес?

– Ну да, адрес! – воскликнула я. – Улица, номер дома, квартиры...

Аглая неожиданно прыснула и с некоторым превосходством ответила:

– Там нет никакой квартиры...

– Где там? – терпеливо поинтересовалась я.

– Там, где я живу, – невозмутимо пояснила эта невозможная девчонка.

– Ладно, проехали, – вздохнула я. – Не желаешь говорить, где живешь, – твое дело... Может быть, поговорим о чем-нибудь другом, из чего ты не делаешь секрета? Ты случайно не замужем?

– Вот еще! – вяло откликнулась Аглая. – Чего я там забыла?

– Там – это, надо понимать, замужем? – уточнила я. – Действительно, что там можно забыть? Кажется, я опять невпопад, верно? Ну, тогда проясни – ты работаешь или учишься?

– Мы иногда учимся, а иногда работаем, – неожиданно словоохотливо поведала она. – Но мы должны учиться, даже когда работаем. Иначе нам никогда не достичь совершенства.

– Это так серьезно? – спросила я, с любопытством покосившись на Аглаю. – Вы непременно должны достичь совершенства? А кто это – вы?

Но силы девушки опять иссякли, и я поняла, что ответа на этот вопрос мне не дожидаться. Но кое-что для меня начинало проясняться. Похоже, эта девчушка действительно имеет отношение к тому, что у нас официально называется нетрадиционными религиями, а в народе попросту – сектами. Ничего удивительного – история довольно типичная. Рано потеряла родителей, кругозор крайне узкий, возраст опасный – такие часто становятся добычей всяких доброхотов.

– Ты верующая? – спросила я.

Аглая опять ничего не ответила, но посмотрела на меня уже без прежнего равнодушия. Я готова была поклясться, что теперь в ее взгляде мелькнула настоящая враждебность. Она насторожилась – в этом не было никакого сомнения. Вероятно, у нее уже были неприятности, связанные с вопросами веры. Значит, на этой почве взаимопонимания нам тоже не достичь. Если дело пойдет так и дальше, то скоро у меня просто не останется тем для разговора.

– Извини, конечно, что я задаю этот вопрос, – сказала я. – Но от чего умерли твои родители?

– Они попали в дорожное происшествие, – сказала Аглая. – Их задавила машина, когда они стояли на автобусной остановке. Это было два года назад, и об этом писали в газетах. Я как раз закончила школу, и они собирались на выпускное торжество. Я уехала в школу раньше их...

– Печальная история, – искренне сказала я. – Представляю, как туго тебе пришлось. Но у тебя, наверное, остались какие-нибудь родственники? Может быть, в Каратае?

– Правда! – как будто даже обрадовалась Аглая. – Брат моей мамы живет в Дне-про-дзержин-ске! – она с видимым усилием выговорила такое трудное слово. – Теперь это считается граница? Ну, это совсем не важно. Этот человек никогда нас и знать не хотел. Значит, он не считается родственником, как вы думаете?

Никаких признаков огорчения по поводу заносчивого родственника в ее лице я не обнаружила, поэтому ответила довольно спокойно:

– В общем-то, это тебе решать. Все-таки родная кровь – от этого никуда не денешься. Но что касается меня, так я бы послала такого родственника подальше, честно тебе говорю. Впрочем, это не твой случай... Ведь твой дядя и так знать тебя не хочет. Это печально, но все-таки не стоит придавать этому слишком большого значения. В жизни тебе еще встретятся люди, которые станут для тебя родными...

Аглая опять странно хихикнула и сообщила:

– А я знаю! Я уже их встретила. Мы роднее некуда, понимаете?

Я не стала особенно настаивать на своем понимании, хотя все больше убеждалась – мои подозрения в отношении принадлежности Аглаи к какой-то религиозной общине, скорее всего, подтверждаются. Ну что ж, по крайней мере, есть кому о ней позаботиться. Мое дело отправить девчонку в пункт назначения.

– Так эти родные живут в Каратае? – осведомилась я.

Аглая помотала головой.

– Никто там не живет, в этом дурацком Каратае! – пробормотала она.

Тут уж я не выдержала.

– Ну, во-первых, кто-то там все-таки живет, наверное? – сердито сказала я. – А во-вторых, какого черта ты туда едешь, если там никто не живет и тебе там делать нечего?

– Ну, вы тоже скажете! – понуро произнесла Аглая. – Куда же мне ехать, интересно? В Москву, что ли?

– Тебе бы в разведке работать! – проворчала я. – Цены бы тебе не было. Я уж и не помню, кто так мне морочил когда-нибудь голову...

Мне показалось, что этого моего пассажи Аглая чистосердечно не поняла. Может быть, это было и к лучшему – не стоило упражняться в остроумии с тем, кто не может ответить. Девчонке пришлось хлебнуть лиха. Может быть, способность морочить голову – ее единственное оружие, с помощью которого она выживает в этом мире?

Я на время прекратила расспросы, тем более что мы уже прибыли на место. Впереди показалась ограда сосновского кладбища. Я остановила машину метрах в десяти от ворот и с некоторым беспокойством посмотрела на свою спутницу.

Она ответила мне непрошибаемым взглядом. Что-то в этом взгляде меня смутило. Не было в нем ничего похожего на волнение и скорбь.

– Приехали, – настороженно сказала я. – Ты разрешишь мне проводить тебя?

– Куда? – спросила она.

– Ну, на могилу твоих родителей, – ответила я, слегка подняв брови.

Аглая удивилась, но только чуть-чуть.

– А где? – произнесла она.

– С тобой положительно не соскучишься, – тяжело вздохнула я. – Ты же сама велела ехать сюда.

– Я не велела, – хладнокровно заявила она.

– Но ты сказала, что собираешься навестить могилу родителей, – напомнила я.

– Они же не здесь похоронены! – разочарованная моей бестолковостью, сказала Аглая.

Я зажмурилась и сосчитала про себя до десяти. Потом открыла глаза и сказала ровным голосом:

– Так, давай раз и навсегда выясним, куда именно тебе нужно! Только не торопись, подумай как следует и объясни все внятно и конкретно. Договорились?

Аглая наморщила лобик, точно задача, которую я ей задала, оказалась совершенно непосильной, и немного виновато пробормотала:

– Надо ехать в обратную сторону. Это вот там, где Волга. Ну, знаете, где кладбище, там на горе?

– Положим, я знаю это кладбище, – сказала я. – Но ты уверена, что не ошиблась? Действительно на горе? Мне не хотелось бы, чтобы мы опять катались впустую...

– Да точно, на горе, – спокойно ответила Аглая. – От маминой могилки Волгу видно. Если не на горе, то как бы ее было оттуда видно?

– Логика у тебя убийственная, – хмуро заметила я. – Потом окажется, что Волга, которую ты видела, вовсе не Волга, а...

– Волга, я знаю! – возразила Аглая. – Я же здесь жила.

– Это верно, я и забыла, – вздохнула я, опять запуская мотор. – Значит, едем обратно!

Через полчаса мы были на Ястребиной горе, в районе старого кладбища, с которого действительно открывался вид на Волгу. У меня возникла надежда, что теперь-то мы попали куда нужно. На часах однако было полдвенадцатого, и времени еще оставалось хоть отбавляй. Если, конечно, брать в расчет электричку. У меня уже появились подозрения, что поездка в Каратай – не более чем плод моей фантазии и, когда придет время, Аглая просто недоуменно скажет: «Какая электричка?», а я опять сяду в лужу.

Мы вышли из машины. Аглая рассеянно оглянулась вокруг и торжествующе ткнула ладонью в воздух, указывая мне на великую русскую реку. Река действительно оказалась на месте, а мой скептицизм был посрамлен. По-моему, Аглае самой было приятно, что она ничего не напутала. Мне уже хотелось ее поздравить, но тут эта артистка вдруг выдала:

– Волга! Я могу переплыть ее туда-сюда и не устать нисколько!

Это заявление настолько не вязалось со всеми предыдущими ее заявлениями, да и вообще с ее субтильным обликом, что я опять слегка оторопела.

– Ну, в общем-то, это здорово... – кисло сказала я наконец. – Правда, вода пока, наверное, еще холодная... Если вздумаешь претворять это дело в жизнь, то лучше подожди с полмесяца...

Она кивнула совершенно серьезно и пошла к воротам кладбища, ссутулившись и еле перебирая ногами. Глядя на ее худую спину, я с тревогой размышляла, что же творится с моей неожиданной знакомой и как мне теперь с честью выпутаться из того глуповатого положения, в которое я сама себя загнала. Возиться с Аглаей было довольно обременительно и, кажется, бесполезно, а просто бросить ее было стыдно.

Так ничего хорошего и не придумав, я пошла за ней следом на кладбище. Совершенно про меня позабыв, Аглая как сомнамбула бродила среди могил, не обращая на них почти никакого внимания. Она большей частью смотрела себе под ноги и что-то бормотала чуть слышно – можно было подумать, что она молится. Не исключено, что так оно и было, но мне казалось, что мы прибыли сюда все-таки с другой целью.

Посетителей на кладбище было совсем немного. Тихо шелестели кроны старых деревьев над могилами. Строгая и отрешенная обстановка этого печального места настраивала на соответствующий лад, и поневоле хотелось выбросить из головы мирские заботы и думать о бренности всего сущего и о краткости нашего пребывания на грешной земле.

Странный сегодня выдался день! Еще утром я была полна забот и с усердием искала встречи с неким деятелем, обещавшим устроить для нашей газеты партию бумаги – ну по совершенно бросовой цене. Потом мне не удалось найти этого благодетеля ни в той конторе, где он мне накануне назначил встречу, ни в той, куда меня направили из первой конторы. Едва я успела переварить это безобразие, как на моем пути оказалась Аглая, и всю свою нереализованную активность я направила на ее спасение. И вот наконец все заканчивается там, где заканчивается вообще все на свете, и я брожу по унылому погосту, и мне уже почти нет никакого дела ни до трепача, который так подвел меня с бумагой, ни до самой бумаги, ни до потерянного времени, ни даже до моих верных сотрудников, которые наверняка меня уже потеряли и сходят с ума от неизвестности.

Впрочем, вспомнив о коллегах, я почувствовала нечто вроде укора совести – следовало все-таки дать о себе знать. Ведь уезжая, я обещала вернуться самое большее через час, а прошло уже три. Обо мне действительно беспокоятся.

Аглая по-прежнему бесцельно перемещалась среди надгробий, и я решила поторопить ее. Я подошла к ней, когда она остановилась наконец возле какой-то неухоженной могилы, украшенной простым металлическим надгробьем, уже изрядно пообтершимся и проржавевшим. Оградки вокруг могилы не было – то ли так задумывалось изначально, то ли ее попросту украли, что сейчас совсем не редкость даже на кладбищах.

Никаких эмоций моя подопечная не проявляла, и мне подумалось, что она опять что-то напутала и могила ее родителей находится совсем в другом месте. Я осторожно положила руку ей на плечо и сказала:

– У тебя проблемы, Аглая? Может быть, тебе чем-то помочь?

Она вздрогнула и испуганно на меня покосилась.

– Н-нет, мне не нужно помогать! – поспешно сказала она, деликатно выскальзывая из моих объятий.

Несмотря на все старания, я, кажется, вызывала у нее неприязнь. Ну что ж, поделом мне. Как говорится, инициатива наказуема.

– Может быть, поедем дальше? – предложила я, делая вид, что ничего не заметила. – Твои поиски ведь, кажется, не увенчались успехом?

Аглая послушно оторвалась от могилки и побрела прочь, сунув руки в карманы куртки. Я догнала ее, и мы пошли дальше вместе. Вдруг она сказала:

– Я их повидала. Теперь можно ехать дальше.

– Вот те раз! – недоуменно заметила я. – Значит, ты все-таки нашла могилку?

– Конечно, – равнодушно пояснила Аглая и коротко кивнула назад. – Вон она.

Выходит, эта заброшенная могила и являлась целью ее поисков? Отчего же такая сдержанность? Я все-таки ждала от Аглаи, что она раскроется – хотя бы здесь. Но этого не произошло.

– А тебе не кажется, что стоило бы навести здесь небольшой порядок? – спросила я, заглядывая девушке в глаза.

Аглая улыбнулась – грустно и немного мечтательно.

– Это неважно, что с твоей могилкой, – объяснила она. – Просто нам пока еще нельзя встретиться, поэтому я прихожу иногда сюда... А вообще-то, мама с папой сейчас уже не здесь...

– Ну да, они на небесах, так считается... – пробормотала я, сраженная ее убежденностью.

Теперь Аглая улыбнулась как человек, облеченный тайным знанием.

– Нет, не на небесах, – уверенно заявила она. – Все светлые души соберутся в неведомой стране Шангри-Ла, в храме света и воссоединятся навеки в добре и блаженстве!

Честное слово, она была неистощима на сюрпризы. Теперь еще и Шангри-Ла появилась – хоть стой, хоть падай!

– Ну что ж, можно сказать и так... – проямлила я. – Только мне об этом раньше как-то не приходилось слышать. А где же эта неведомая страна?

Мы как раз вышли с кладбища, и Аглая без раздумий махнула рукой в сторону Волги.

– Далеко-далеко, – сказала она. – За синими лесами.

Я не нашлась, что на это сказать, и наша беседа опять прервалась на какое-то время. Мне казалось, что теперь мы без помех сможем поехать в редакцию, но уже в машине Аглая неожиданно объявила, что ей необходимо побывать еще в одном месте. Теперь в ее голосе явственно слышались слезные нотки, и я просто побоялась ей отказать, опасаясь истерики.

Разумеется, она опять меня удивила, потому что, поколесив по городу, мы вдруг оказались в том самом месте, где, собственно, и состоялось наше первое знакомство, – на проспекте Строителей, совсем недалеко от злосчастного столба. Как говорится, еще осколки остыть не успели.

Выяснилось, что эта бедолага слонялась там не от нечего делать. У нее было запланировано еще одно свидание с памятными местами. Попросту говоря, Аглае хотелось взглянуть на дом, где она жила раньше с родителями, а он располагался именно в этом районе – за сквериком.

Что ж, это желание было мне понятно, но, честно говоря, меня уже начинало тошнить от наших перемещений, и я осуществляла свою надзирательскую миссию из последних сил. Поэтому осматривала памятные места я невнимательно и безо всякого интереса, мечтая о том, как мы с Аглаей наконец расстанемся. Мне показалось, что в девушке произошли какие-то перемены и она сделалась более адекватной, что ли. Взгляд ее стал более осмысленным, и свои неожиданные перлы она перестала выдавать.

Вообще она заметно притихла и, пожалуй, выглядела теперь похуже, чем утром, – лицо ее посерело и подурнело, на губах появился какой-то неприятный синюшный оттенок. Она казалась совсем больной. Впрочем, от помощи она отказалась наотрез и даже в конце концов предложила мне отправляться по своим делам. Преподнесла она мне эту пилюлю застенчивым тоном, отводя глаза, но довольно категорически.

Я постаралась проглотить обиду, которая все-таки возникла в душе, и согласилась с Аглаей. Мне показалось, что теперь я могу оставить ее одну, не опасаясь, что она полезет под автомобиль. Но так как выглядела Аглая неважно, я сочла нужным вручить ей свою визитную карточку – на всякий случай.

– Если тебе вдруг понадобится помощь, – предупредила я, – ты в любое время можешь обращаться ко мне. Аглая лишь скользнула взглядом по прямоугольнику бумаги, на котором было отпечатано: «Бойкова Ольга Юрьевна. Газета «Свидетель». Главный редактор», и спрятала карточку в задний карман джинсов.

Глава 3

– С чего это тебя потянуло на благотворительность? – спросила секретарша Маринка, с которой мы помимо служебных отношений поддерживаем еще и дружеские.

Вопрос был задан снисходительным тоном, и это мне не понравилось.

– Вот ты филолог по образованию, – заметила я, – а слова употребляешь весьма приблизительно. О какой благотворительности может идти речь, когда я даже не дала бедной девочке денег? Здесь можно говорить, скорее, о милосердии, и то с большой натяжкой.

– Ну, хорошо, – не смутившись, продолжила Маринка. – С чего тогда тебя потянуло на милосердие, если тебе так больше нравится? Хотя как филолог я настаиваю именно на своем варианте. Что из того, что ты не дала денег? Кстати, только этого не хватало! Зато ты тратила на эту прохиндейку бензин, время...

– Она не показалась мне прохиндейкой, – возразила я. – Несчастливая девчонка, оставшаяся без ориентиров и поддержки...

– Наркоманка какая-нибудь! – убежденно заявила Маринка. – Сама же говоришь, что она несла всякую несуслазницу.

– Ты хочешь сказать, что наркоманы не заслуживают милосердия? – сердитым голосом поинтересовалась я.

– Вот я и говорю, с каких пор тебя потянуло на милосердие? – упрямо повторила Маринка. – По-моему, это все-таки не твой профиль. Или ты надеялась почерпнуть от этой курицы какой-нибудь сенсационный материал?

– Твой цинизм отвратителен, – заявила я. – Завтра любой из нас может оказаться в положении еще более худшем...

– Ну и будь уверена, что к нам-то никто не разбежится со своим милосердием! – убежденно сказала Маринка. – Я знаю, что говорю. Между прочим, эта подруга, наверное, только и мечтала, как бы от тебя побыстрее отделаться. А ты вбила себе в голову, что без тебя она непременно погибнет. Это вечная ошибка благодетелей. Люди самостоятельные вовсе не нуждаются в нашей заботе!

– Может быть, мы просто разучились ее проявлять? – возразила я. – А кто-то этим пользуется и продает людям воздушные замки. Кстати, что тебе известно о неведомой стране Шангри-Ла?

Маринка посмотрела на меня туманными глазами – не хуже, чем Аглая накануне, – и сказала:

– Шангри-Ла, Ксанаду, Мандала, Эльдorado, град Китеж... Сказочные легендарные земли, которых никогда не было на карте, но куда всем так хотелось попасть! Могу приплюсовать сюда Атлантиду, если хочешь. Все равно я знаю о них обо всех примерно одинаково – то есть ничего.

– Спасибо за информацию, – иронически сказала я. – Моя знакомая Аглая знает про Шангри-Ла гораздо больше. Более того, она надеется в скором времени туда попасть и встретиться там с погибшими родителями. Любопытная интерпретация земли обетованной, тебе не кажется?

– Мне кажется, тебе нужно побыстрее выбросить из головы эти бредни, – безапелляционно заявила Маринка. – Есть вещи поважнее. Между прочим, тебе звонил тип, которого ты вчера искала – Галабуцкий, что ли, – и опять предлагал бумагу. Он очень извинялся за то, что его не было на месте, и предлагал бешеные скидки. Он просит дешевле, чем за туалетную бумагу, представляешь?

– Мне это совсем не нравится, – сердито ответила я. – И сам этот Галабуцкий вызывает у меня теперь большие сомнения. Не люблю необязательных людей. И мне не нужна туалетная бумага. Здесь что-то нечисто. Пусть ищет дураков в другом месте.

– А может, у человека проснулась совесть? – предположила Маринка. – У тебя – милосердие, а у Галабуцкого – совесть. Может быть, сегодня магнитная буря – ты ничего такого не слышала?

– Все равно, не желаю иметь дело с человеком, у которого совесть просыпается только во время магнитной бури, – решительно заявила я. – Если он будет опять звонить, так ему и скажи.

– Он не будет звонить, – возразила Маринка. – Он уже везет бумагу.

Я вытаращила глаза.

– Что значит – везет бумагу? Куда он ее везет?

Маринка пожала плечами.

– Сюда, наверное, – невозмутимо ответила она. – Разговор-то шел о нас...

– Сумасшедший дом! – в сердцах выпалила я. – У нас здесь что – склад? Мы еще ни копейки не заплатили, а он уже везет бумагу! Может, ты что-то не так поняла, дорогая?

– Я все поняла так! – парировала Маринка. – Кстати, Сергей Иванович присутствовал при разговоре. Если мне не веришь, можешь спросить у него.

– Вот уж где благотворительность в чистом виде! – пробормотала я, поднимаясь из-за стола. – И спрошу! Спрошу у Сергея Ивановича.

Сергей Иванович Кряжимский, мой заместитель, был у нас старейшим и самым авторитетным сотрудником. Его жизненный опыт, обширные связи и трезвый рассудительный ум очень часто нас выручали. По всем спорным вопросам мы рано или поздно обращались именно к Кряжимскому. Он действительно присутствовал в приемной, когда Маринка разговаривала по телефону с Галабуцким, но сразу же предупредил, что помочь мне ничем не может.

– Ольга Юрьевна! – заявил он. – Боюсь, я знаю не больше, чем вы. Да, разговор шел при мне, но я слышал только то, что сказала Мариночка, а она была в этот раз немногословна, поверьте. То, что Галабуцкий везет сюда какую-то бумагу, меня, по правде сказать, настораживает. Эта фигура вообще не вызывает у меня положительных эмоций. Выскочила она, извините, как черт из табакерки, никому неизвестна, ведет себя подозрительно... На вашем месте я был бы с этим товарищем крайне осторожным!

– Именно этой линии поведения я и собираюсь придерживаться, – пообещала я. – Жаль, что эта мысль не пришла мне в голову сразу.

Честно говоря, лично господина Галабуцкого мне не доводилось видеть ни разу в жизни. О его существовании я узнала только накануне от некоего Кособрюхова, с которым меня тоже связывало шапочное знакомство. Он занимал небольшую должность в комитете печати, но до сих пор не был замечен в какой-либо активности. Его неожиданный звонок с предложением помочь немало меня удивил. Но координаты Галабуцкого, располагающего запасами столь необходимой нам бумаги, я приняла с благодарностью. Что из всего этого вышло, вы уже знаете.

Одним словом, все мы находились в состоянии напряженного ожидания, когда в приемную редакции без стука ввалился мужчина лет пятидесяти, стриженный под машинку, с багровой морщинистой шеей и рыжей щеточкой усов под носом. Мужчина был одет в какую-то умопомрачительную косоворотку и полотняные белые брюки, а на голове у него красовалась старомодная шляпа из тонкой соломы. Он будто сошел с экрана – таких героев часто можно было видеть в фильмах пятидесятих годов о колхозной жизни: они там играют себе на уме завхозов и бухгалтеров-бюрократов, попадающих в разные комические ситуации. Вломившись в редакцию, этот человек окинул нас всех исподлобья цепким сердитым взглядом и недовольно рыкнул:

– Главный редактор есть тут?

Мы переглянулись, и я с некоторым сомнением произнесла:

– Допустим, я – редактор. А вы – Галабуцкий, насколько я понимаю?

Комический завхоз, наклонив голову, быстро подошел к столу и с размаху шлепнул по нему сложенной газетой. Совершив такой эффектный жест, он победоносно огляделся и веско сказал:

– Я – Пименов! И намерен требовать у вас сатисфакции по полной программе. Вот так вот!

Весь состав нашей редакции смотрел на этого непонятного человека, раскрыв рты. Во-первых, мы ждали Галабуцкого, а во-вторых, никто из нас и слыхом не слыхивал ни о каком Пименове. Между тем посетитель, не обращая ни на кого внимания, по-хозяйски рухнул в кресло, снял шляпу и принялся вытирать вспотевшую лысину клетчатым носовым платком. Его рыжие маленькие глазки сердито сверкали из-под кустистых бровей.

– А позвольте узнать, любезнейший, – деликатно произнес Сергей Иванович Кряжмский, – по какому поводу вы изволите требовать сатисфакцию?

Пименов зыркнул в его сторону быстрым взглядом и в величайшем волнении воскликнул:

– Ничего себе – по какому поводу! Да вы меня в своей газетенке оболгали! Выставили, можно сказать, на посмешище перед всей страной! А теперь притворяетесь невинными овечками? Не выйдет! Я вас всех выведу на чистую воду!

– Чего это мы вас оболгали? – враждебно спросила Маринка, которая чувствовала профессиональную антипатию к прорвавшемуся в редакцию скандалисту. – Выражения-то выбирайте! Здесь вам не полевой стан! – наверное, ей тоже пришли на память старые фильмы.

Гражданин Пименов обмахнулся старомодной шляпой и, грозно глядя на меня, ответил:

– Как же не оболгали? Просто-таки оклеветали, а не оболгали! Вон, полюбуйтесь! Что у вас в газетке написано? – он кивнул в сторону стола, где лежала брошенная им газета. – За это морду надо бить, уважаемые!

При этих его словах встрепенулся и придвинулся поближе наш редакционный фотограф Виктор, человек немногословный, но, как сейчас любят говорить, крутой, прошедший огонь и воду – в прошлом войсковой разведчик и участник в афганской войне. Кроме своей основной профессии, в которой Виктор, кстати, тоже был асом, он еще и осуществлял в редакции функции службы безопасности. Желающих бить нам морду он обычно брал на себя.

Его долговязая мрачная фигура произвела на разгневанного посетителя должное впечатление, и он, опасливо покосившись в сторону Виктора, чуточку сбавил тон.

– Пчеловод Пименов держит шесть ульев! – обиженно сказал он. – Это курам на смех! Но я не позволю над собой издеваться! Требую опровержения – не шесть, а шестьдесят шесть – так-то вот!

Даже у выдержанного Сергея Ивановича при таком заявлении беспомощно вытянулось лицо, а Маринка просто покраснела от злости и выпалила:

– Вам случайно не голову напекло? Что вы здесь плетете? Какие улы? С какой стати мы будем писать про какие-то дурацкие улы?

Пчеловод Пименов улыбнулся хитрющей улыбкой и погрозил Маринке толстым пальцем.

– Улы дурацкие? – спросил он с сарказмом. – А медок-то любим трескать! А как он достается, медок, знаете?

– Послушайте! – вмешалась я наконец. – Насчет меда мы кое-что знаем, конечно. Но в своей газете этих вопросов мы практически не касаемся. У нас криминальное издание, понимаете? Нас интересуют убийства, ограбления, аферы... Так что, если вы до сих пор никого не прикончили, вряд ли мы станем о вас писать. Вы что-то перепутали, уважаемый!

Пименов вытаращился на меня с таким недоверием, словно я действительно предложила ему отправить кого-нибудь на тот свет. Он явно ничего не мог понять. Возникла неловкая пауза.

Но тут всех выручил курьер Ромка, наш семнадцатилетний стажер, который в глубине души считает себя великим сыщиком и будущей звездой криминалистики и журналистики вместе взятых. Ему одному пришло в голову заглянуть в скомканную газету, валяющуюся на столе.

– Позвольте! – воскликнул он удивленно. – По-моему, мы зря толчем воду в ступе. Вы ссылаетесь на эту газету? Но ведь это «Огни Тарасова», а вы сейчас находитесь в редакции газеты «Свидетель»! Вот и все недоразумение...

Гражданин Пименов недовольно покосился на нашего Шерлока Холмса и, не желая сдаваться, буркнул:

– Ну и что?

– Ничего себе – ну и что! – разгневанно фыркнула Маринка. – Редакция «Огни Тарасова» этажом выше. Вот туда и отправляйтесь и не морочьте нам голову!

Пчеловод Пименов долго размышлял, поочередно разглядывая всех нас тяжелым недоверчивым взглядом, а потом сказал с угрозой:

– Я сам знаю, куда мне отправляться! Я правды все равно добьюсь, не беспокойтесь! Вы еще Пименова не знаете! – Он натянул на уши свою несуразную шляпу, вороватым движением схватил со стола газету и, прибавив на прощание: – Так что бывайте! – выкатился из приемной в коридор.

Едва за ним захлопнулась дверь, Маринка, сдерживавшая себя из последних сил, произнесла громко и с выражением:

– Вот это идиот! Просто какой-то чемпион среди идиотов!

– В тяжелом весе! – подхихикнул ей Ромка.

– Молодые люди! – строго провозгласил Кряжимский, обводя обоих ледяным взглядом. – Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что подобные заявления характеризуют вас как блестящих интеллектуалов. К сожалению, впечатление создается совершенно обратное. А мне, признаться, не хотелось бы, чтобы мои коллеги роняли себя даже в узком кругу. Давайте не забывать, где мы работаем. Ведь нам, как и врачам, доверены людские судьбы...

– Ой, да, Сергей Иванович! – тут же заныла Маринка. – Ну чего тут особенного? Как же прикажете называть дурака – умным, что ли?

– А никак не называть, – твердо сказал Кряжимский. – Просто ни к чему. Знаете это выражение «дурак – это другой»? Ну, вот тот-то и оно. И потом, первое впечатление может быть очень обманчивым...

– Первое впечатление-то как раз еще было ничего, – пробормотала Маринка, подмигивая мне. Сергей Иванович сел на своего любимого конька, и теперь его было невозможно переспорить.

Но на этот раз спор прервался сам собой, потому что в приемную влетел следующий посетитель – молодой расхристанный парень в кожаной тужурке и мятых брюках, испачканных солидолом и машинным маслом.

– Это «Свидетель»? – гаркнул он с порога. – Ну, все путем – принимайте!

– Ульи привез, что ли? – прыснула Маринка, которая никак не могла отойти от встречи с пчеловодом.

Парень задумчиво посмотрел на ее ноги, вытер нос грязным кулаком, ухмыльнулся и сказал:

– Пчелами интересуешься, симпатуля? Можно договориться! Подожди пока. Я сейчас с делами разделаюсь, и, считай, весь твой!

– Да нужен ты мне! – обиженно проговорила Маринка, отодвигаясь подальше от весельчака. – Штаны сначала постирай! А то к тебе подходить опасно.

– А без штанов я еще опаснее! – серьезно заявил парень, пожирая Маринку бессовестными черными глазами.

– Господи, что это за полоса такая! – простонала я, опускаясь в кресло. – Все сговорились, что ли? Вы-то кто такой, молодой человек?

Парень обернулся ко мне, что-то прикинул в уме и сообщил деловито:

– Ага, значит, ты хозяйка! Значит, короче – куда сгружать бумагу?

Я чуть не подпрыгнула.

– Что значит сгружать? – завопила я. – Ничего не надо сгружать. Где этот ваш Галабуцкий? Я должна с ним срочно поговорить.

– Не знаю никакого Галабуцкого-Малабуцкого, – весело сказал парень. – Я – водила. У меня задание – отвезти тонну бумаги «Свидетелю». Все разговоры побоку. Вот накладная – получи и распишись! – широкой темной ладонью он припечатал к столу какую-то бумажку.

– Не стану я нигде расписываться! – заявила я категорически. – Пока не поговорю с Галабуцким, никаких накладных!

– А хоть с Кремлем говори! – легкомысленно отозвался водила. – Мое дело маленькое. Принял – сдал. А там уж как хотите разбирайтесь. В общем, я поехал. Бумага во дворе. Мы ее с ребятами уже сбросили – можете не благодарить. Пока, симпатуля, передавай привет пчелкам! – кивнул он Маринке и, прежде чем мы успели что-то возразить, выскочил из комнаты.

Мы ошарашенно переглянулись, а сообразительный Ромка тут же помчался вниз, во двор – проверять наличие бумаги. Сергей Иванович развел руками.

– Сколько лет живу, а такого не видел! – признался он. – То есть это все настолько кажется мне подозрительным, Ольга Юрьевна, что и передать не могу.

– Я же говорю, магнитная буря! – веско заключила Маринка.

Мы с Виктором ничего не сказали. У меня просто не было сил. Я еще надеялась, что все это шутка, и Ромка, вернувшись, сообщит, что никакой бумаги во дворе нет. Но он появился возбужденный, даже слегка напуганный, и, разведя руками на манер записного рыболова, сказал с восхищением:

– Есть! Вот такой рулонище! Как они его сгружали, не представляю!

– А машина? – мрачно поинтересовался Виктор.

Раз Виктор решился открыть рот, значит, он был по-настоящему обеспокоен. А ответ Ромки ему совсем не понравился – это было видно по его лицу.

– Машина уже уехала, – сказал Ромка. «Зилон» какой-то...

– Номер? – спросил Виктор.

– Не заметил, – виновато ответил Ромка.

– Да черт с ним, с номером! – раздраженно сказала я. – Все равно мы к этой бумаге не имеем никакого отношения. Глупость какая-то!

– Троянского коня напоминает, – блеснула знаниями Маринка. – Может, с этой бумагой нам что-нибудь подсунули? Бомбу, например, или споры сибирской язвы... Как вы насчет такой версии – биологической?

– Это не смешно, – сказала я.

– А я и не смеюсь, – возразила Маринка. – В городе полно людей, имеющих на нас зуб. Некоторые из них и рулона бумаги не пожалеют. Даже рулонища...

– Ладно, не каркай! – сказала я. – Лучше передай-ка мне эту накладную – у меня сил нет подняться.

Маринка шагнула к столу, протянула руку... Но в этот момент опять распахнулась дверь, и вошли трое. Особенно не понравился мне первый из них – лощеный молодой человек с большими залысинами на висках и ядовитой улыбкой.

– Всем оставаться на своих местах! – тихо, но внушительно произнес он, запуская руку во внутренний карман пиджака. – Мы из отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Моя фамилия Ерохин. Поступил сигнал, что в распоряжение вашей редакции поступила партия бумаги, похищенной с пензенского комбината. У нас есть постановление прокуратуры на проведение здесь обыска. Надеюсь, ни у кого нет возражений? – он улыбнулся так противно, что у меня заныли зубы.

Какие тут возражения?! У меня вообще не было слов.

Глава 4

Господин Ерохин менее всего был похож на человека, подверженного влиянию магнитных полей. Если у него и имелся внутри какой-то магнит, то, наверное, совершенно специфического свойства – постоянно ориентированный на ближайшего начальника. Однако на биологическую диверсию Ерохин никогда бы не пошел – уж слишком большой он был чистюля. Однако в конечном счете Маринка оказалась права – нам подбросили троянского коня. Неуклюже подбросили, наспех, но кто в наше время обращает внимание на такие мелочи!

Когда первые минуты растерянности миновали, я уже совершенно четко представляла себе, откуда ветер дует. Судя по тому, с каким пылом принялся за дело господин Ерохин, борец с экономическими преступлениями, на нас обиделись довольно серьезные люди, государственные.

Точнее говоря, обидели мы городскую прокуратуру. И всего-то позволили себе опубликовать небольшую статейку о странной истории с криминальным авторитетом Жмыхом, который, будучи подозреваемым в тройном убийстве с отягощающими обстоятельствами, тем не менее не попал за решетку, а был отпущен прокуратурой под подписку о невыезде. После чего, разумеется, благополучно выехал и обнаружился, по слухам, уже в районе Канарских островов. У законопослушных граждан, которыми мы считали и себя тоже, естественно, возникали недоуменные вопросы к работникам нашей славной прокуратуры.

В своей статейке мы робко задали эти вопросы, а в ответ получили троянский рулон и господина Ерохина в придачу. Он старался так, будто впереди его ждали полковничьи погоны, не меньше. На все наши бумаги, компьютеры и кофеварки немедленно был наложен арест, а сами мы попали под перекрестные допросы ерохинской компании. Нам инкриминировали махинации с краденой бумагой. Оснований было два – наличие рулона бумаги во дворе и чья-то подпись на липовой накладной, отдаленно напоминающая мою. Если кому-то это кажется смешным, то пусть вспомнит, что во времена не столь отдаленные, чтобы посадить человека за решетку, подчас не требовалось вообще никаких оснований.

Конечно, я не относилась к происходящим событиям как к трагедии. Скорее всего, эта некрасивая возня была затеяна просто для того, чтобы нас попугать, и закончиться она должна была пшиком. Но нервы нам явно собирались потрепать изрядно.

Кроме того, наши противники очень рассчитывали на экономический эффект своих действий. Ведь пока мы будем доказывать, что мы не верблюды, и будет простаивать наша оргтехника, пока наши материалы будут неторопливо и скрупулезно изучаться старательным господином Ерохиным, газета попросту не сможет выходить, что здорово ударит по нашему карману. Поставит нас, так сказать, на грань катастрофы.

Но они не знали, с кем имеют дело. Наш маленький коллектив не так-то просто было поставить на колени. Мы работали не только ради денег и еще не забыли, что такое энтузиазм.

– Топорно работаете, – сказала я господину Ерохину в первый же день «расследования». – Когда этот фарс закончится, я напишу лично о вас такой фельетон, что над вами будут смеяться собственные дети!

Надо отдать ему должное – на гладком лице Ерохина не дрогнул ни один мускул.

– У меня нет детей, – спокойно сказал он. – И я не вижу ничего смешного. Я выполняю свой долг. У меня имеется сигнал, и я обязан на него отреагировать.

– Сигнал, несомненно, поступил из прокуратуры? – спросила я. – Еще бы, с такой легкостью получить санкцию на арест и обыск! Только ничего у вас не выйдет, уважаемый! Бумага во дворе не имеет к нам никакого отношения, а на этой накладной нет даже моих отпечатков пальцев!

– Зато там есть ваша подпись, – хладнокровно ответил Ерохин, тонко улыбаясь. – Уверю вас, этого вполне достаточно.

– Это не моя подпись, – отрезала я. – Сие видно даже невооруженным глазом!

– Возможно, возможно... – рассеянно сказал Ерохин. – Мы обязательно направим документ на экспертизу. Кстати, мы проверим ваши банковские счета – были ли перечислены деньги за эту бумагу и кому... Но у меня большие подозрения, что расплачивались вы за нее наличными, с глазу на глаз, так ведь, Ольга Юрьевна?

– Нет, не так! – заявила я, глядя ему прямо в глаза. – И нет у вас никаких подозрений, Ерохин! А есть большущее желание выслужиться перед начальством. Но вы учтите, что начальству тоже свойственно ошибаться. Вот только за эти ошибки отвечать приходится вас-салам вроде вас!

На гладкое чело Ерохина набежала легкая тень.

– Ну вы, пожалуйста, без оскорблений, гражданин Бойкова! – неуверенно сказал он. – Я все-таки при исполнении. На первый раз я не стану заносить этого в протокол, но на будущее попрошу вас воздержаться... Если у вас есть претензии, предъявляйте их в установленном порядке!

Именно так я и сделала. Уже на следующий день я подала иск в суд на неправомерные действия отдела по борьбе с экономическими преступлениями, я накатала статью на эту тему, которую обещали оперативно опубликовать «Огни Тарасова», и я отправила Сергея Ивановича Кряжимского в прокуратуру на разведку. У него там имелись знакомые, которые могли прояснить, насколько серьезна наша ситуация.

Кроме этого, я успела еще побывать на очередном допросе у Ерохина и ответить на множество коварных вопросов. Вопросы, несмотря на очевидное коварство, были довольно бессмысленными и мало что проясняли. Но, похоже, Ерохина это несколько не интересовало – в его планы входило подольше трепать мне нервы, и пока он с этим прекрасно справлялся.

Самое интересное, что во всем этом абсурде совершенно растворилась и без того почти мифическая фигура Галабуцкого. Ерохин реагировал на эту фамилию скептической улыбкой. Он не верил в существование моего благодетеля. Что ж, возможно, ему было лучше знать. Но хотя бы для приличия можно было сделать вид, что принимаешь показания всерьез! Однако Ерохин был готов принять от меня, кажется, любую фамилию, только не Галабуцкого.

Мягко, но настойчиво он продолжал разубеждать меня в его существовании, не обращая внимания на сопротивление. Ерохин был похож на инквизитора, подцепившего закосневшего в грехе еретика. Он призывал меня раскаяться.

– Ну что вы заладили – Галабуцкий, Галабуцкий! – с ласковым упреком повторял он, неприятно заглядывая мне в глаза. – А почему не папа римский? Ну, хорошо, допустим, я вам поверил. Где мне искать этого Галабуцкого? Вам известны его координаты? Вы знаете его адрес? Ах, вы просто разговаривали с ним по телефону? И как этот Галабуцкий выглядит, тоже не знаете? Но это же просто господин Никто получается, Ольга Юрьевна!

Я пообещала привести Ерохину человека, который знает и координаты Галабуцкого, и его лицо, и сразу после допроса отправилась в комитет печати, чтобы найти Кособрюхова. Правда, меня не столько интересовали связи этого чиновничка с Галабуцким, сколько причины, по которым Кособрюхов вдруг решил блеснуть передо мной этими связями. Скорее всего, его попросили – это было дураку понятно, – но мне хотелось услышать это собственными ушами, а возможно, и записать на диктофон.

Вообще-то я вся кипела, хотя внешне старалась сохранять спокойствие. Больше всего меня угнетало сознание того, что я умудрилась попасть в самую примитивную ловушку, какую смогли придумать ленивые чиновничьи мозги. Проще уже ничего быть не может – разве что первоапрельская шутка «у вас вся спина белая». Если дело так пойдет и дальше, я скоро и на нее буду клевать. Веселенькая перспектива, нечего сказать!

Кособрюхова я нашла в одном из коридоров административного здания, где среди прочих контор помещался комитет, который, по идее, должен был создавать для печатных изданий обстановку наибольшего благоприятствования. Очевидно, нашего издания это не касалось. Впрочем, я не собиралась лишать Кособрюхова возможности сказать слово в свою защиту.

Он меня, разумеется, не ждал. Маленький, солидный, с аккуратной проплешиной на темени, он стоял у окна в компании высокого сумрачного мужчины с орлиным носом и что-то горячо вещал, иногда производя пухлой правой рукой весьма энергичные жесты. Левая рука у него была небрежно опущена в карман. Собеседник в основном внимал, иногда одобрительно кивая. Я подошла к ним с тылу.

– Здравствуйте, Кособрюхов! – сказала я нетерпеливо. – Извините, что мешаю вашим излияниям, но мой вопрос не терпит отлагательств. Поскольку вы, в сущности, виновник моих неприятностей, потрудитесь немедленно уделить мне несколько минут!

Высокий мужчина крикнул от неожиданности и посмотрел на меня с большим интересом. Кособрюхов суетливо обернулся, и на какое-то мгновение в глазах его метнулся страх. Но он без труда подавил в себе это чувство, потому что объективно никакой опасности я для него не представляла. Напугать чиновника по-настоящему способен только вышестоящий чиновник – это аксиома. Я к этой категории не относилась, поэтому господин Кособрюхов очень быстро успокоился.

– Э-э-э... Простите, не узнаю! – проблеял он, пытаясь выиграть время. – Ах, это вы, Бойкова? Не ожидал вас здесь увидеть... А мы с товарищем обсуждаем один наболевший вопрос... Вы, кстати, не знакомы?

У Кособрюхова были блеклые равнодушные глаза, щеки как у хомяка и безвольный скошенный подбородок. На таком лице совсем не просто изобразить выражение гордого достоинства, но Кособрюхову это почти удалось. Это должно было поставить меня на место. К тому же мне недвусмысленно давалось понять, что рядом присутствует «товарищ», который в случае чего запросто может стать свидетелем. Я оказывалась в меньшинстве, и это должно было удерживать меня от скандала. Но, как я уже говорила, Кособрюхов знал меня очень поверхностно.

Высокий брюнет отреагировал на предложение познакомиться с большим восторгом. Его мрачноватое лицо озарилось улыбкой, и он с нетерпением протянул мне руку. Я эту руку проигнорировала и отчеканила, что знакомиться ни с кем не собираюсь, поскольку не уверена, что знакомство с друзьями Кособрюхова может пойти на пользу.

После такого заявления щеки Кособрюхова покрылись пятнами, а губы слегка задрожали. Все-таки он не был таким непрошибаемым, как хотел казаться.

– Что вы себе позволяете? – разгневанно пискнул он, безуспешно пытаясь распрямить свои пухлые плечи. – Есть вещи, которые не прощаются даже женщинам, Ольга Юрьевна!

Его грозный вид не произвел на меня никакого впечатления – слишком я была зла.

– Вот как? – зловеще произнесла я. – А есть вещи, которые даже женщины не прощают! И мы будем сейчас говорить именно о них.

Высокий брюнет неожиданно захохотал, хлопнул Кособрюхова по плечу и, промолвив: «Ну, ладно, бывай! Потом как-нибудь...» – зашагал прочь по коридору. Все-таки я, наверное, зря его обидела – кажется, он оказался не таким уж плохим человеком.

Кособрюхов беспомощно посмотрел ему вслед и сделал попытку скрыться. Он даже не пытался ее завуалировать – просто совершенно по-заячьи метнулся в сторону и устремился к ближайшей двери. Я едва успела схватить его за галстук.

Маленький Кособрюхов побагровел от унижения и попробовал вырваться. Однако с физической подготовкой у него было слабовато, а мне гнев придавал силы. Драться всерьез Кособрюхов не смел. Сцена была не слишком красивая, но меня утешало, что кроме нас двоих ее никто не видит – свидетелей рядом не было.

– Что вам надо, ненормальная? Отпустите сейчас же галстук! – просипел Кособрюхов, кося глазом в надежде углядеть кого-нибудь, кто придет ему на помощь.

– Отвечайте, откуда вы знаете Галабуцкого? – грозно спросила я. – Где он сейчас, а самое главное, с чьей подачи вы свели меня с этим типом?

От Кособрюхова удушающе пахло каким-то диковинным дезодорантом, и меня жутко замутило от этого запаха. Я не ослабляла хватку, но чувствовала, что надолго меня не хватит. Кособрюхов, наверное, тоже это почувствовал.

– Я не знаю никакого Галабуцкого! – задушенным, но гордым голосом провозгласил он. – Отпустите галстук, идиотка! Что вы себе позволяете?

Я пропустила мимо ушей оскорбление, потому что меня поразил ответ.

– То есть как не знаешь?! – возмутилась я. – А кто мне звонил и убеждал, что Галабуцкий твой хороший друг и может помочь мне с бумагой? Не ты случайно?

– Не я! – заявил Кособрюхов, глядя на меня бесстыжим взглядом. – Вы обознались. В следующий раз будьте внимательнее. Иначе с вашим характером можете и под суд попасть!

– Ах, вот ты как заговорил, иуда! – сказала я, внезапно успокаиваясь. – Ну, черт с тобой! Все равно горбатого только могила исправит.

Я отпустила сконфуженного чиновника и демонстративно отряхнула руки. Кособрюхов нервно поправил галстук, пригладил жидкие волосы и, мстительно посмотрев на меня, буркнул:

– Доиграетесь, Бойкова! Это вам даром не пройдет. Настойтесь на бирже труда, попомните мое слово! Вы уже получили пилюлю? Так это еще цветочки!

– Так ты знал, что подставляешь меня, Кособрюхов? – ахнула я.

– Нам не о чем разговаривать, – сухо ответил чиновник. – Вам все объяснят в прокуратуре!

Все мое раздражение в один миг выплеснулось наружу. Не особенно соображая, что делаю, я размахнулась и отвесила Кособрюхову полновесный подзатыльник, звук от которого раскатился по всему коридору.

Ошеломленный Кособрюхов по инерции пролетел после этого метра четыре, что-то угрожающе прошипел себе под нос и поспешно скрылся за какой-то дверью. Я осталась одна в коридоре в некоторой растерянности, не зная, плакать мне или смеяться.

Ясно было одно – наша команда действительно стала жертвой наскоро сострепанной интриги, целью которой было поставить нас на место. Кособрюхов по чьей-то подсказке от имени таинственного Галабуцкого сделал мне заманчивое предложение. Я на него клюнула – возможно, мои телефонные разговоры где-то даже зафиксированы – и тогда мне подбросили партию подозрительной бумаги. Собственно, подбросили ее не столько мне, сколько старательному Ерохину, чтобы было вокруг чего городить огород. Конечно, это было глупо, но в результате мы оказались не у дел, и одному богу было ведомо, сколько эта двусмысленная ситуация продлится!

Помочь нам теперь могла только полная гласность. Когда эта история всплывет на всеобщее обозрение, ее инициаторы скорее всего пойдут на попятную. Вряд ли они доведут дело до судебного разбирательства. В этом плане я очень рассчитывала на солидарность коллег из «Огней Тарасова», которые должны были уже завтра опубликовать мою язвительную статью.

Однако пока мне приходилось удовлетворяться предвкушением будущего триумфа да сомнительной победой над негодяем Кособрюховым. Офис редакции был опечатан, и мы все чувствовали себя сиротами.

Тем не менее всех нас упорно тянуло в редакцию. Из комитета печати я поехала именно туда и в скверике напротив встретила сидящих на скамеечке Кряжимского и Ромку.

– Вы по какому случаю здесь? – спросила я растроганно.

– Вероятно, по тому же, что и вы, Ольга Юрьевна! – немного смущенно сказал Сергей Иванович. – Знаете, я открыл поразительную вещь! Оказывается, я совершенно отвык отдыхать! Другой бы сейчас закатился куда-нибудь на дачку или с внуками в парк отправился, а я как будто потерял что-то... – он виновато развел руками.

– А я открыл другую поразительную вещь! – солидно сообщил Ромка. – Я, Ольга Юрьевна, перерыл «Огни Тарасова» за последние два месяца – так вот, ни о каком пчеловоде Пименове они не писали!

– Ну и что? – не поняла я.

– Как что?! – возмутился Ромка. – Вы только подумайте – этот Пименов пришел к нам как раз накануне всех этих событий! А теперь выясняется, что он все врал! Вы думаете, это случайность?

– Не знаю, – честно сказала я. – Но не думаю, что это имеет какое-то значение. Пчеловодом больше – пчеловодом меньше, какая разница? Вряд ли его появление сильно нам повредило. А кроме того, я подозреваю, что он и насчет «Огней Тарасова» ошибся...

– А мне кажется, он появился неспроста, – упрямо заявил Ромка.

– Это в тебе Шерлок Холмс говорит, – легкомысленно заметила я. – Мало ли какие чудачки появляются в нашей редакции! В первый раз, что ли? Как появился, так и исчез. Удалился в неведомую страну Шангри-Ла...

– Куда, видимо, удалился и ваш знакомый Галабуцкий и его злосчастная бумага, – подхватил с улыбкой Кряжимский. – Предмет всеобщего беспокойства не далее как час назад погрузили на какой-то фургон и увезли в неизвестном направлении.

– В самом деле? – удивилась я. – Вот это серьезная новость. Как бы нам не пришили повторную кражу этой чертовой бумаги! Вы не поинтересовались, куда ее увозят?

– Поинтересовался, Ольга Юрьевна, – признался Кряжимский. – Да что толку? Куда положено, папаша, туда и увозим – вот и вся моя информация. Работяги, сами знаете, говорить много не любят.

– Ну что ж, будем надеяться, что больше мы этой бумаги не увидим и не услышим, – сказала я. – А вообще не стоит опускать хвост. Вот увидите, через день-два нас оставят в покое... Наша жизнь, как известно, матрас – черная полоса, белая полоса...

Эта оригинальная мысль пришла мне в голову еще раз – уже вечером. Я возвращалась домой из гаража. Уже начинало темнеть, и в домах одно за другим вспыхивали окна. Я целый день моталась по городу, переделала кучу дел, и состояние мое в эту минуту можно было метко охарактеризовать тремя словами – язык на плечо.

Никаких неприятностей я уже не ждала, поэтому появление прямо перед своим носом двух подозрительных типов встретила непростительно беспечно. С моим жизненным и профессиональным опытом можно было бы вести себя и поумнее.

Эти двое возникли из темноты подворотни бесшумно, как привидения. Оба были худыми и долговязыми, как наш Виктор, и точно так же до поры помалкивали. Но потом один из них резко надвинулся на меня и, грубо схватив за руку, выдохнул прямо в лицо:

– Цепку снимай! И – тихо, если жить хочешь!

Глава 5

Сначала я даже не очень испугалась. Просто за день я так намоталась, что новое препятствие повергло меня в отчаяние. Передо мной вставала довольно мрачная перспектива – на сон грядущий меня собирались ограбить, а возможно, и отправить в больницу. О худшем варианте я старалась не думать. Но у того типа, что со мной разговаривал, была заячья губа, а люди с такими дефектами обычно обладают довольно скверным характером.

Я быстро обернулась. Обычно в нашем дворе и его окрестностях допоздна толчется народ, играют дети и собачники выгуливают своих питомцев. Но сегодня, как назло, вокруг было пусто и рассчитывать мне было не на кого.

– Цепку давай! Не поняла?! – мерзким голосом повторил тип с заячьей губой, выворачивая мне руку.

Весь юмор был в том, что никакой цепочки у меня и в помине не было. То ли этот образ олицетворял для грабителя драгоценности вообще, то ли у него и с глазами было не все в порядке – в любом случае положение мое выглядело незавидным.

О том, чтобы справиться с этим мордоворотом, не было и речи – он держал меня мертвой хваткой. И тогда я выбрала самый примитивный способ защиты – я завопила.

Грабители на какую-то секунду растерялись. Пожалуй, я бы даже назвала это паникой. Они засуетились, а тип с заячьей губой поспешно зажал мне рот ладонью.

– Тише, тише! – зашипел он почти умоляющим тоном, но тут же, словно спохватившись, опять пригрозил убить.

Однако я уже поняла их слабое место и заорала еще пуще, а потом укусила грабителя за палец. Он взвыл и отскочил в сторону, кроя меня отборным матом. Я бросилась бежать.

Правда, убежала я совсем недалеко. Второй подонок успел поставить мне подножку, и я что есть силы грохнулась на асфальт, разбив в кровь коленку. Боль была жуткая, и мне не сразу удалось прийти в норму. Я еще стонала, скрючившись на земле и вцепившись в ушибленную ногу, как вдруг откуда-то прогремел уверенный негодующий голос:

– Вы что же такое делаете, мерзавцы?! Немедленно прекратите!

Любопытство пересилило боль, я повернула голову и увидела, как из-за угла появилась довольно внушительная мужская фигура, которая быстро приближалась. Не было заметно, чтобы незнакомец испытывал хотя бы какое-то подобие страха, и это обстоятельство очень подействовало на моих обидчиков. Они сразу сникли, сделались даже будто меньше ростом, крикнули друг другу «Атас!» и разбежались. В ночной тишине некоторое время раздавался их затихающий топот, а потом все смолкло окончательно.

Мой спаситель был уже рядом. Он остановился, деловито присел на корточки, отставил в сторону портфель, который держал в руках, аккуратно взял меня за плечи горячими сильными ладонями и с тревогой заглянул мне в лицо. Сквозь слезы я первым делом успела рассмотреть большие очки в роговой оправе и волевой квадратный подбородок мужчины.

– С вами все в порядке? – спросил он своим глубоким, даже немного торжественным голосом, который так напугал грабителей.

Со мной было далеко не все в порядке, но сейчас это вызывало у меня совершенно особую досаду. Я не из тех женщин, которые разыгрывают роль беспомощных, робко лепечущих пташек, ежеминутно нуждающихся в мужской заботе и утешении. Перед мужчиной с таким бархатным голосом и такими могучими ладонями я предпочитаю предстать во всей красе.

Поэтому я превозмогла боль и постаралась побыстрее подняться на ноги. Наверное, это получилось у меня не слишком грациозно, да и вообще вид у меня был сейчас не ахти – впечатления на мужчину я, кажется, не произвела. Он по-прежнему смотрел на меня тре-

можно-заботливым взглядом – каким, например, может смотреть ветеринар на занемогшую корову – почему-то именно такое сравнение пришло мне в голову.

– Спасибо, со мной все в порядке, – сказала я почти весело. – Но это только благодаря вам! Боюсь, не окажись вы поблизости, мне пришлось бы по-настоящему туго.

– Я не могу спокойно видеть, когда кто-то творит безобразие, – серьезно пояснил мой спаситель.

– Это хорошо, что на свете еще остались такие рыцари, – сказала я.

– Я не Дон Кихот, конечно, – скупно улыбнулся мужчина. – Но перед мельницами тоже не пасую...

– Ну, это были далеко не мельницы! – возразила я. – Вы на самом деле рисковали. Сейчас каждый второй подросток носит с собой нож. А у таких типов вполне мог оказаться пистолет. Таких случаев – миллион. Говорю это вам как репортер криминальной хроники.

– В самом деле? – оживился мужчина. – Вы – журналист? Это очень интересно! Я в молодости мечтал стать журналистом, но оказалось – не судьба. Теперь вот учительствую в деревне... Кстати, позвольте представиться – Старостин Андрей Петрович. Приехал вот на двухдневный семинар... Завтра уже домой. Хотел перед сном прогуляться по вечернему Тарасову. А тут вы...

– Испортила вам прогулку, – засмеялась я. – Значит, придется ее как-то вам компенсировать... Знаете что? Пойдемте-ка ко мне, я угощу вас чаем!.. Кстати, меня зовут Ольгой Юрьевной. Так что теперь мы представлены друг другу и можем делать визиты.

Забавно было видеть, как переполошился этот крупный бесстрашный мужчина. Он потоптался на месте, потом схватил с земли свой портфель и едва ли не прижал его к груди. Наконец он сказал, запинаясь от смущения:

– Право, не стоит беспокоиться! И мне вас не стоит беспокоить. Уже поздно, да и мне совсем не хочется чаю!..

– Ну, выпьете чего-нибудь покрепче, – улыбнулась я.

Старостин и к этому отнесся крайне серьезно.

– Ни в коем разе! – сказал он. – У меня закон – учитель не имеет права употреблять алкоголь – ни капли! Даже пиво – это исключено, табу!

– Не слишком ли строго? – спросила я.

– Ни-чуть! – по слогам отчеканил Андрей Петрович. – Дети очень остро чувствуют фальшь. Как я могу учить их разумному, доброму, вечному, одновременно поклоняясь зеленому змию? Это недопустимо!

– Нет, положительно человек таких высоких моральных качеств заслуживает награды! – заявила я. – Свое предложение насчет алкоголя беру обратно, но поужинать со мной вы должны! Тем более что вы сейчас в командировке, и вряд ли в гостинице вас ждет роскошный стол, верно?

Старостин смущенно улыбнулся.

– Вообще-то, вы нащупали мое слабое место, – признался он. – Люблю, грешным делом, хорошо покушать. А гостиничное житье рассматриваю как неизбежное зло, с которым бесполезно бороться. Кстати, по моему мнению, это единственный вид зла, на который не стоит обращать внимания. Во всех прочих случаях я считаю себя обязанным вмешаться.

– Как говорится, побольше бы нам таких, как вы, коммунизм давно бы был построен, – улыбнулась я. – Но, однако, что мы с вами тут стоим? Идемте же! Я живу здесь рядом – вот в этом доме.

Андрей Петрович с необыкновенно серьезным видом – как все, что он делал, – предложил мне свою руку, не занятую портфелем, и мы пошли. Опираясь на твердую десницу этого крупного, кругом положительного человека, я испытывала странное волнение. Несмотря на некоторую архаичность и провинциальность, Андрей Петрович обладал несомненным обая-

нием и удивительной притягательной силой. Он являлся как бы живым воплощением мечты миллионов женщин о заботливом и самостоятельном, без вредных привычек мужчине, о мужчине, с которым можно чувствовать себя как за каменной стеной. Разумеется, я задала ему этот вопрос. Ничего конкретного, конечно, в этом вопросе не было, но, сами понимаете, не задать я его не могла.

– Вы женаты, Андрей Петрович? – спросила я.

– Женат! – ответил он, не задумываясь. – Супруга тоже учительствует. Пятнадцать лет мы уже бок о бок и на работе, и дома! – в голосе его звучала простодушная гордость.

– Понятно! – сказала я чуть разочарованно. – Вы и здесь образец для подражания. Другого я и не ожидала.

Старостин слегка нахмурился и сказал, как бы оправдываясь:

– Я так не считаю, извините! Никогда не стремился быть образцом. Каждый для себя решает, как жить. Я предпочитаю жить по четким правилам. Когда живешь по правилам, все становится как-то проще, яснее... Люди просто не представляют себе, как это приятно и необременительно – жить по правилам. Не нужно притворяться, хитрить, лицемерить, понимаете? Не нужно растрачивать массу сил по пустякам. Как сказал Лев Николаевич? Делай что должно...

– И будь что будет, – не совсем уверенно закончила я. – Кажется, так? К сожалению, уже давно не перечитывала классиков.

– Классиков нужно не перечитывать, – строго сказал Андрей Петрович. – Их нужно читать! Читать постоянно, ежедневно, сверяясь с каждой строкой!

Я пообещала, что с завтрашнего дня непременно возьмусь за классиков – причем, должна заметить, это лицемерие, вопреки теории моего спутника, далось мне без малейшего труда. Но я утешила себя тем, что покривила душой вовсе не из-за какой-то выгоды, а просто не желая огорчать хорошего человека. Не знаю, поверил мне Андрей Петрович или нет, но, к счастью, больше мы к этому щекотливому вопросу не возвращались.

До квартиры мы добрались без приключений. Говорю это потому, что тогда я была уверена – черная полоса в моей жизни отнюдь не закончилась, и в любую минуту можно ждать каких угодно сюрпризов – пожара, например, наводнения, обрыва высоковольтных проводов...

Но все было спокойно. Я отперла дверь, быстренько зажгла свет в прихожей и гостиной и предложила Андрею Петровичу располагаться. Сама же срочно отправилась в ванную, где у меня хранилась аптечка, – нужно было привести себя хотя бы в относительный порядок.

Я вымыла руки, перепачканные пылью и кровью, беззвучно шипя, обработала йодом разбитую коленку, а потом туго перетянула ее белоснежным бинтом. Ну и, конечно, некоторое время ушло на прическу и прочие необходимые мелочи.

Когда я вернулась в комнату, Андрей Петрович все еще стоял столбом, как посетитель в музее, и придирчиво разглядывал интерьер моей квартиры. О чем он думает, по его серьезному неулыбчивому лицу понять было трудно.

Кстати, при хорошем освещении выяснилось, что моему спасителю не менее сорока лет. Сначала мне показалось, что он гораздо моложе. Честно говоря, внешность Андрея Петровича меня немного разочаровала. На нем был старомодный темный костюм, кое-как повязанный тусклый галстук и разношенные, покрытые пылью башмаки. Но это еще полбеды. Во всем облике Старостина было что-то педантичное и, пожалуй, даже ограниченное – такое выражение лица часто можно встретить у педагогов со стажем. Если бы не богатырская фигура Андрея Петровича и не пылающий взгляд, его внешность можно было назвать даже неприятной.

Подумав об этом, я немедленно устыдилась – берусь судить человека, которому обязана здоровьем, если не жизнью! Мне даже показалось в какую-то минуту, что гость угадал мои мысли, и я поспешно сказала, улыбаясь изо всех сил:

– Что ж вы стоите, Андрей Петрович? Присаживайтесь, займите себя чем-нибудь. А я пока приготовлю ужин. Ничего особенного не предлагаю. Надеюсь, вы не против вчерашних котлет?

Старостин кивнул и неожиданно деловито сказал:

– Обстановка у вас приличная! Неплохо зарабатываете у себя в... в газете вашей? – он запнулся и бросил на меня быстрый и какой-то странный взгляд.

– Бывает по-всякому, – растерянно проговорила я. Что-то смутило меня в этом взгляде и этой мгновенной запинке.

Но Андрей Петрович уже улыбался открытой, немного застенчивой улыбкой.

– Простите, как вы сказали? Вчерашние котлеты? – с интересом переспросил он. – Я обожаю вчерашние котлеты! Особенно с жареной картошкой – просто слов нет!

– Вот и отлично, – сказала я. – Тогда вы пока тут развлекайтесь, а я пошла на кухню. Помогать мне не надо. Ненавижу, когда мужики трутся на кухне!

На самом деле мне было абсолютно наплевать на взаимоотношения сильного пола с кулинарным искусством. Мне просто нужно было побыть одной и пораскинуть мозгами.

Хочешь не хочешь, а годы работы в криминальном издании сформировали эти самые мозги совершенно определенным образом. Слишком часто мне и моим коллегам приходилось сталкиваться далеко не с самыми лучшими проявлениями человеческой натуры. Мы слишком хорошо знали, как может быть опасен и коварен самый заурядный на вид обыватель, какие зловещие сюрпризы может он преподнести. Люди упорно не желали жить по правилам и сверять свои дела с заветами классиков. Мы привыкли автоматически делать поправку на это печальное обстоятельство, то есть, попросту говоря, подозрительность стала нашей второй натурой. Конечно, это вовсе не повод для гордости, я просто пытаюсь объяснить, почему в ту минуту насторожилась.

Когда Старостин задал вопрос: «Неплохо зарабатываете у себя в...», мне показалось, что он уже готов был договорить «...в «Свидетеле». Андрей Петрович этого не сказал, но это как будто стоило ему некоторого усилия. Правда, в результате он все-таки сказал «в газете», но ведь я и об этом не успела сообщить ему – что работаю именно в газете!

Впрочем, и в этом не было ничего удивительного – профессию репортера люди в первую очередь связывают, конечно, с работой в газете, – но что означал тогда этот быстрый испытующий взгляд, который Старостин бросил на меня? Меня не покидало ощущение, что мой гость едва не проговорился, что он заранее знал, с кем имеет дело.

Если это так, то что это может значить? Я разогревала ужин, заваривала чай, а сама ломала голову над загадкой. Неужели я опять запустила в свои владения троянского коня? Получалось, что именно так. Не помогла и подозрительность, ставшая второй натурой.

Если мои опасения не беспочвенны, то этот Андрей Петрович отменный психолог. Он совершенно правильно рассчитал, как завоевать мои доверие и признательность: темная ночь, насильники, благородный защитник, и все это на фоне двухдневной нервозности, которая припустила мою бдительность. Разумеется, я опять клюнула, как и положено слабой женщине.

Но зачем это ему (или им) нужно? Откуда, как говорится, ветер дует? Неужели опять прокуратура? Но что им дает эта ситуация? Может быть, теперь меня собираются обвинить в моральном разложении? Дальше этого предположения моя фантазия не шла. Не прикончить же меня собрались, в самом деле!

Ну что ж, придется быть крайне осторожной и тщательно оберегать – если не жизнь, то уж честь непременно. Я пошарила взглядом по кухне, и на глаза мне попался длинный узкий нож, который я использовала для резки хлеба. У меня были ножи и поновее, и поизящнее, но я пользовалась именно этим, потому что он был изготовлен из настоящей стали и его можно было наточить до остроты бритвы.

Мне подумалось, что в сложившихся обстоятельствах будет нелишним держать этот нож под рукой. Если честно, подобная мысль меня смущала и казалась немного смешной – ведь я не могла быть уверенной, что не нафантазировала эту страшилку от начала и до конца. Но, с другой стороны, у меня больше не было желания попадать врасплох ни при каких обстоятельствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.